

УДК 811.511.131

*Ефимов Кирилл Сергеевич*  
*г. Ижевск, ФГБОУ ВО «УдГУ»*  
*kirill\_udm@ykc.com*

**К ВОПРОСУ О ГИПЕРКАТЕГОРИИ  
«НАКЛОНЕНИЯ-ВРЕМЕНИ» В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ**

*Аннотация.* В работе рассматривается соотношение двух традиционно выделяемых в удмуртском языкознании категорий: нак-

лонения глагола и времени глагола. Эти категории рассматриваются нами в составе одной более глобальной гиперкатегории «наклонение-время», поскольку в удмуртском языке категория времени помимо изъявительного наклонения встречается также в неочевидном наклонении.

*Ключевые слова:* финно-угорские языки, удмуртский язык, семантика, наклонение, время, эвиденциальность.

Соотношение грамматических категорий наклонения глагола и времени глагола в большинстве европейских языков (в том плане, что европейские языки являются наиболее изученными с грамматической точки зрения) является достаточно типичным: «Традиционно «наклонение» по отношению к «времени» считается категорией более высокого порядка: изменение по временам происходит после того, как глагольная форма уже мыслится принадлежащей к определённом наклонению» (Каксин 2008: 16). Большинство исследователей удмуртского языка описывали глагол аналогичным образом – т.е. выделяли три наклонения, аналогичных русскому языку (изъявительное, повелительное и условное) (ГСУЯ 1962: 196–213; УКК 2011: 159–169). Далее, только изъявительное наклонение глагола, по мнению авторов описательных грамматик, могло обладать временными формами (ГСУЯ 1962: 197–208; УКК 2011: 170–189). Однако такая трактовка материала не учитывает уникальных особенностей удмуртского языка, а именно удмуртский глагол обладает специальными формами прошедшего времени, которые указывают на отсутствие у говорящего точных сведений относительно достоверности высказывания. Такие формы мы называем «неочевидными» либо «эвиденциальными». Это формы типа *со ветлэм* ‘он ходил, оказывается’, *со ветлэ вылэм* ‘он ходил, оказывается’ (на протяжении длительного времени), *со ветлоз вылэм* ‘он ходил оказывается’ (неоднократно), *со ветлэм вылэм* ‘он ходил было, оказывается’, *со ветлэм вал* ‘он ходил было, оказывается’, *со ветлiз вылэм* ‘он ходил было, оказывается’. Более точную функционально-семантическую характеристику последних трёх форм в дальнейшем ещё предстоит исследовать.

В современном удмуртском языке существует целый ряд параллельных форм глагола, которые отличаются от своей пары в

параллельном ряду исключительно наличием либо отсутствием эвиденциальной семы. Например, II прошедшее время, по мнению многих исследователей, является перфектом (Серебренников 1960: 118). В то же время, по мнению М.К. Каракуловой, и I прошедшее время и II прошедшее время можно назвать перфектом (Каракулова 2000: 69). Обе синтетические формы прошедшего времени в удмуртском языке можно обозначить как перфект, однако эти формы различаются тем, что II прошедшее время содержит эвиденциальную сему. На этом основании мы считаем, что I прошедшее время является перфектом индикатива, а II прошедшее время является перфектом эвиденциалиса. Таким образом, в удмуртском языке можно констатировать существование сразу двух наклонений глагола (индикатив и эвиденциалис), формы которых могут изменяться по временам.

Существует также и противоположная точка зрения, согласно которой не существует «различных временных и модальных отношений, а есть реальные (временные) и нереальные (невременные) отношения, которые в агглютинативных языках – а можно думать, и в любых других – не выражаются совместно в одной глагольной словоформе» (Храковский 1986: 65). Формы глагола, которые в классических грамматиках удмуртского языка не относят к индикативу, действительно выражают нереальные и невременные отношения, иначе говоря, не выражают временных значений, а выражают модальные значения. В то же время «неочевидные» формы удмуртского глагола вполне определённо выражают прошедшее время, одновременно с этим, данные формы обладают эвиденциальным значением (эвиденциальность мы понимаем как функционально-семантическую категорию уровня модальности). Поэтому вышеозвученная точка зрения может быть названа недостаточно глубокой для описания категорий времени и наклонения в удмуртском языке.

Эвиденциальные формы глагола в удмуртском языке, которые мы относим к «неочевидному наклонению», передают значения только прошедшего времени. Грамматических форм для обозначения настоящего либо будущего времени в неочевидном наклонении не существует. Тогда почему при выделении нового наклонения нами выделяется только одно грамматическое время,

которое не противопоставлено другому грамматическому времени? К примеру, исследователи эрзянского языка выделяют условно-сослагательное наклонение, которое представлено исключительно формами прошедшего времени (Эрзянь кель 2000: 214). Поэтому мы считаем вполне вероятным классифицировать формы «неочевидного» наклонения в удмуртском языке подобным образом. Дело в том, что грамматические формы удмуртского глагола, традиционно называемые «неочевидными», существуют одновременно в двух системах координат: наклонения и времени. Семантика прошедшего времени в этих формах не может существовать в отдельности от эвиденциальной семантики, поскольку в противном случае в языке существовал бы целый ряд избыточных форм, которые внутри каждой пары передают одинаковое темпоральное значение. Подобное мнение уже было однажды высказано профессором А.И. Кузнецовой: «исходя из анализа ряда уральских языков, эвиденциальность (как неочевидность) можно считать разновидностью категории наклонения. Однако применительно ко многим уральским языкам не меньше оснований говорить о кумулятивной категории совершенно иного рода, например, категории времени-наклонения» (Кузнецова 2004: 92). К сожалению, почти за двадцать лет её гипотеза так и не получила развития в удмуртском языкознании.

Помимо двух наклонений, обладающих категорией времени, в удмуртском языке существуют также три наклонения, которые можно однозначно отнести к ирреалису: условное наклонение / кондиционалис (*дуонлык сям*), повелительное наклонение / императив (*косон сям*), желательное наклонение / оптатив (*медйськон сям*). «В ирреалисе ситуации изображаются как чисто мыслимые, познаваемые только посредством воображения» (Palmer 2001: 1). Изначально первые исследователи удмуртского языка наделяли формы кондиционалиса темпоральной семантикой будущего времени (Пуцек-Григорович 1775: 49; Верещагин 1924: 81–82). Такой подход на сегодняшний день общепризнанно является ошибочным, поскольку все три вышеперечисленные нами наклонения несут в себе исключительно модальные значения. Так, например, условное наклонение «выражает предполагаемое, желаемое, представляющееся возможным действие» (Кибардина

2012: 28). Повелительное наклонение выражает «просьбу, приказ, пожелание, требование, побуждение к действию и др.» (Кибардина 2012: 28). Оптативная модальность выражает значение позволения совершить какое-либо действие, значение пожелания и др. Таким образом, императив, оптатив и кондиционалис в удмуртском языке предназначены для выражения ирреального действия, которое не совпадает с действительностью. Также, поскольку действия, выражаемые грамматическими формами этих наклонений являются нереальными, то эти наклонения не могут содержать темпоральную семантику. По этому признаку ирреальные наклонения противопоставлены наклонениям реалиса, которые помимо модальных (а также эвиденциальных) значений содержат неотъемлемую семантику темпоральности.

Однозначно определить принадлежность эвиденциалиса к семантическому полю реалиса либо ирреалиса, на наш взгляд, гораздо сложнее, чем решить подобный вопрос относительно других наклонений удмуртского языка. С одной стороны, действие или состояние, в достоверности которого говорящий не уверен, можно отнести к полю нереальных отношений, однако, в случае если событие или действие всё-таки было в реальности, а говорящий о нём не знал и это его в определённой степени удивляет (т.е. при актуализации миративного значения), в таком случае информация, передаваемая с помощью неочевидного наклонения, будет принадлежать уже к полю реальных отношений.

Наклонения удмуртского глагола, в которых не выделяются временные формы, выражают модальные, а не темпоральные значения. Кроме того, целесообразно разделить наклонения глагола в удмуртском языке на два вида: первый вид – это наклонения, выражающие только модальные значения (кондиционалис, императив, оптатив). Эти три наклонения не относятся к гиперкатегории «наклонения-времени». Второй вид – это наклонения, обладающие одновременно характеристиками наклонения и времени (индикатив, эвиденциалис). По отношению к этим двум наклонениям можно говорить о реализации в них гиперкатегории «наклонения-времени», которая образует своеобразную систему координат, в которой говорящий выбирает конкретную форму глагола одновременно исходя из двух критериев: наклонения и

времени. Таким образом, есть все основания выделять в современном удмуртском языке особую гиперкатегорию «наклонения-времени», которая наиболее отчётливо проявляет себя в формах неочевидного наклонения удмуртского глагола, поскольку эти формы обладают одновременно темпоральной и эвиденциальной семантикой, которые в данных формах невозможно отделить друг от друга.

### Литература и источники

Верещагин Г.Е. Руководство к изучению вотского языка. – Ижевск: Удкнига, 1924. – 120 с.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР; Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – 376 с.

Каксин А.Д. Модальность и средства ее выражения в хантыйском языке // Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. – Ханты-Мансийск, 2008. – 328 с.

Каракулова М.К., Каракулов Б.И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Учебное пособие для высших учебных заведений. – Ижевск: Изд. дом «Удм. Ун-т», 2001. – 228 с.

Кибардина Т.М. Средства выражения модальности в удмуртском языке. Монография. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 196 с.

Кузнецова А.И. Каким может быть статус эвиденциальности и ирреалиса? // Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность / Под ред. Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А. Урманчиева. – М.: Гнозис, 2004. – С. 88–106.

Пуцек-Григорович В.Г. Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка. – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1775. – 113 с.

Серебренников Б.А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 300 с.

УКК – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание / А.А. Алашеева, Д.А. Ефремов, Т.М. Кибардина, Н.В. Кондратьева, С.В. Соколов, О.Б. Стрелкова, И.В. Тараканов, Н.Н. Тимерханова, А.Ф. Шутов; Кылкутйсь ред. Н.Н. Тимерханова. – Ижкар: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. – 408 б.

Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: русский императив. – Л., 1986. – 272 с.

Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология: Вузонь эрзянь ды финнэнь отделениянь тонавтнициятнень туртов / Редколлегиясь:

Д. В. Цыганкин (отв. ред., Н.А. Агафонова, М.Д. Имайкина ды лият. – Саранск: Тип. «Крас. Окт.». – 2000. – 280 с.

Palmer F.R. Mood and modality. 2<sup>nd</sup> ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 236 p.